

Ланс обладал светло-золотистой шерстью, которая выглядела невероятно нежной и блестящей, а от него самого исходил аромат весенних цветов. Дилун не удержался и глубоко вдохнул этот запах, почувствовав, как в горле пересохло, а затем невольно потерся о его шею.

Он был уверен, что не поддастся благородству Ланса, но в итоге пал жертвой его наивности.

Ни одна лошадь не могла быть такой простодушной, как Ланс. Даже кобылы понимали, что значит проявление симпатии со стороны взрослого альфы, и осознавали, к чему это ведет. Но Ланс этого не знал.

Он доверял Дилуну настолько, что сам вытянул свою тонкую изящную шею, подставляясь под ласки.

Это была привилегия, которой не удостаивался ни один породистый скакун, и в сердце Дилуна разлилось чувство удовлетворения и триумфа. Он мельком взглянул на Мицзя, стоявшего напротив, и увидел, что тот смотрит на него с нескрываемой враждебностью.

Дилун почувствовал себя еще более гордым. Он никогда раньше не испытывал подобного, но то, что Ланс не сопротивлялся и даже позволял гладить свою прекрасную шею, вызывало у него небывалое чувство собственного достоинства.

Малыш, хоть Ланс и капризен, но вкус у него неплох, действительно неплох.

Дилун был чуть выше Ланса, а его мышцы — развитыми и крепкими, ведь он был скаковой лошадью, которой предстояло еще не раз выйти на трек вместе с Валлером. Его физическая форма была великолепна. Если бы не травма, именно Дилун сопровождал бы Валлера в погоне за мечтой на летних скачках.

Впрочем, Дилун был благодарен за эту травму. Если бы не она, он никогда не встретил бы Ланса, которого так бережно растили в поместье.

Наивность Е Чжэня была врожденной и тесно переплеталась с его прошлым.

Хотя он был дрессировщиком, на момент смерти ему не было и двадцати. С самого детства его бросили на изолированный остров для подготовки. Остров был полон диких зверей, и лишь те, кто выживал, могли стать достойными дрессировщиками в эпоху постапокалипсиса.

Звери в том мире были либо эволюционировавшими монстрами, либо зараженными зомби-вирусом.

У Е Чжэня никогда не было друзей, он не знал тепла. После того как их забрасывали на остров, каждый выживал сам по себе. Он мог без колебаний убить хищника, но никогда не понимал, что такое чувства.

Родственные узы, дружба, любовь — он не был с этим знаком, поэтому и не понимал их сути.

Став дрессировщиком, он начал жаждать дружбы и завел несколько товарищей, но их отношения оставались лишь легким приятельством. Любви он не знал вовсе.

Поэтому знаки внимания со стороны Дилуна он принял за дружбу. Дилун ведь сам сказал, что не испытывает к нему романтического интереса и не собирается заводить потомство, поэтому Е Чжэнь отбросил осторожность.

Он никогда не состоял в отношениях с людьми, не говоря уже о породистых лошадях, и уж точно не собирался вступить в связь с жеребцом или рожать ему детей.

В этот момент советы и утешения Дилуна пришлись как нельзя кстати. Настоящие друзья должны помогать друг другу, и Дилун был достойным другом.

Е Чжэнь перестал опасаться Дилуна, но сохранял бдительность по отношению к другим лошадям. Он отвергал любого, кроме него.

Батиэр, узнав о ситуации, был весьма озадачен и огорчен, но он дорожил Лансом, любил его и старался учитывать его чувства.

Так, спустя долгое время, Дилун снова оказался в одном деннике с Лансом. Внешне он сохранял спокойствие, но понимал: это означает, что остальные жеребцы потеряли право на конкуренцию.

Приходить в денник к Лансу стало его исключительной привилегией.

Однако простодушный Ланс виновато прошептал ему:

— Прости, Дилун. Батиэр решил, что мы с тобой влюблены, поэтому и запер тебя здесь.

Дилун невозмутимо ответил:

— Ничего страшного. Как твой лучший друг, я должен взять это на себя.

Ланс с чувством вины потерся о него:

— Спасибо тебе.

Дилун коснулся мордой морды Ланса:

— Не за что.

Раз уж они жили вместе, то и делали всё вместе.

Травма задней ноги Дилуна заживала, он уже мог наступать на нее, но не стоило давать слишком сильную нагрузку.

В обычных денниках лошади справляли нужду прямо там, где стояли, но Дилун понимал, что в деннике Ланса так поступать нельзя.

Там были специальные лотки, и он видел, как Ланс пользовался ими — очень аккуратно. Чтобы произвести на Ланса хорошее впечатление, Дилун тоже научился пользоваться этим высокотехнологичным устройством.

Но в последнее время он почему-то редко видел, как Ланс ходит в туалет. Спрашивать он не решался, считая это неуместным.

Оказалось, что Ланс стеснялся его присутствия.

Каждый раз он делал это ночью, когда Дилун спал.

Этой ночью Дилун лежал на кровати Ланса, погруженный в сон, как вдруг услышал шум воды. Он приоткрыл глаза и увидел, что Ланс справляет нужду, повернувшись к нему спиной.

Дилун опустил взгляд, наблюдая, как тот заканчивает. Ланс, словно боясь, что его заметят, обернулся, и Дилун поспешно закрыл глаза.

По деннику распространился резкий запах. Дилун подумал: сколько же он терпел?

Честно говоря, Е Чжэнь действительно не привык жить вместе с породистыми лошадьми. Если бы он был настоящей лошастью, ему не пришлось бы беспокоиться о таких вещах.

В прошлый раз, когда он делил денник с Дилуном, это стало для него мучением. Дилун вел себя естественно, а он чувствовал себя крайне неловко.

Сейчас было то же самое — он не мог сходить в туалет при Дилуне. Это казалось ему верхом невоспитанности.

Дилун, казалось, понимал, что его мучает, и во время еды сам заговорил:

— Не бери в голову. Мы все одинаковые. Не терпи, ешь и ходи в туалет как положено, не доведи себя до болезни.

Е Чжэнь ничего не ответил, но его шерсть окрасилась в нежно-розовый цвет. Дилун резко обернулся и увидел, что сосуды под кожей Ланса, казалось, вот-вот лопнут.

Ланс стесняется. О боже.

Дилун сглотнул корм, слюну и тихо позвал:

— Ланс?

Ланс вздрогнул:

— А?

Дилун сам потерялся о него:

— Все в порядке, я не буду над тобой смеяться. Посмотри, я такой же, как ты. Не терпи.

Ланс наконец глубоко вздохнул:

— Хорошо.

Дилун спросил:

— Ты и с другими так же терпел?

Ланс кивнул:

— Я ждал, пока они уйдут.

Сердце Дилуна сжалось:

— При мне тебе не нужно этого делать. Разве мы не лучшие друзья?

Ланс кивнул:

— Да.

Возможно, после слов Дилуна Лансу стало легче, и он перестал так сильно смущаться. Он убеждал себя, что Дилун — лучший друг, а между друзьями не должно быть неловкости.

И все же, каждый раз, когда Дилун наблюдал за ним в туалете, он чувствовал себя не в своей тарелке. Поэтому, когда ему нужно было сходить по-большому, он просил Дилуна не смотреть.

Дилун послушно отворачивался, но его тело и сердце приходили в возбуждение от каждого

действия Ланса.

Он был взрослым альфой. Валлер говорил, что найдет ему омегу, но до дела так и не дошло, и Дилун не придавал этому значения, думая, что если встретит подходящую омегу на скачках, то сам начнет ухаживать.

В конце концов, ему нравилась грация скакунов на треке.

Он никогда не думал, что западет на изнеженного аристократического скакуна из поместья. Он даже начал беспокоиться: что если Ланс с его наивностью попадется на удочку какого-нибудь мерзавца?

Плохих лошадей полно, и он вдруг понял, что не хочет видеть, как Ланса кто-то обманет.

Увидев, что Ланс закончил и направился к кормушке, чтобы пожевать траву, Дилун подошел и потерся о него. Ланс поднял голову, позволяя ему это.

— Ланс.

— М?

— Когда у тебя период гона?

— Не знаю, у меня еще никогда не было.

— Ничего страшного. Я рядом, не бойся.

— Хорошо.

Е Чжэнь был искренне благодарен Дилуну. Его слова помогли ему перестать так сильно бояться периода гона. Дилун пообещал, что если будет совсем трудно, он поможет.

Не успели они договорить днем, как вечером Е Чжэню стало не по себе.

А-Вэй как раз взял отгул и уехал домой. Батизэр заглянул перед закатом, распорядился, чтобы слуги присматривали за денником Ланса, но слуга, живший снаружи, оказался нерасторопным и, уснув, спал без задних ног.

Дилун уже дремал, как вдруг почувствовал цветочный аромат, похожий на запах только что распустившихся весенних цветов, смешанный со свежестью молодой травы.

Дилун мгновенно проснулся и посмотрел на Ланса.

Е Чжэнь чувствовал, что с ним что-то не так, но не просыпался. Он ощущал странный зуд и легкую боль где-то под гривой. Он попытался почесаться, но это не помогло.

Ему пришлось встать и искать помощи у Дилуна. Он подошел к нему, и Дилун тут же вскочил.

Е Чжэнь, опустив голову, прижался к Дилуну:

— Дилун, у меня шея чешется.

Исходя из опыта Дилуна, такой резкий запах феромонов означал лишь одно — у Ланса начался период гона. Его сердце забилось быстрее.

Он успокоил Ланса:

— Не бойся, дай посмотрю.

Цветочный аромат становился всё гуще. Дилун проследил за запахом вдоль шеи Ланса, и действительно — под золотистой гривой покраснела и припухла железа.

Дилун сглотнул:

— Ланс, у тебя начался период гона.

Е Чжэнь испугался:

— Что делать?

Дилун помедлил:

— Нужна метка.

Е Чжэнь покраснел до крови, его цвет стал глубже, чем обычно, и он чувствовал, как его охватывает мучительный жар.

— Дилун...

— А?

— Мне очень плохо.

— Ланс, хочешь, чтобы я поставил тебе метку?

— От метки станет легче?

Дилун серьезно объяснил:

— Если поставить временную метку, она будет действовать всего несколько часов, и тебе придется повторять это снова и снова, ты не выдержишь. Лучше поставить постоянную.

Наивный Е Чжэнь, у которого подкашивались ноги, был готов упасть на месте:

— Тогда... постоянную? Ты поможешь мне?

Дилун потерял своей мощной шеей о шею Е Чжэня:

— У тебя есть выбор получше — выбрать альфу, который тебе нравится.

Передние ноги Е Чжэня подогнулись, он больше не мог стоять:

— Дилун, ты обещал помочь.

Дилун сделал несколько глубоких вдохов:

— Тогда не жалею. И если забеременеешь — не вини меня.

Задние ноги Е Чжэня тоже подкосились, и он рухнул на землю:

— Не буду винить.

Дилун подошел к нему и снова понюхал железу:

— Тогда я ставлю тебе постоянную метку, Ланс.

Мучимый болью Ланс весь дрожал:

— Хорошо, спасибо.

Дилун осторожно нашел место, вдохнул аромат его железы и слегка коснулся ее. Ланс содрогнулся.

— Дилун.

— А?

— Шея чешется.

— Подожди, я ищу удобное положение.

— Хорошо.

Дилун спросил:

— Можешь встать на задние ноги?

Е Чжэнь попытался:

— Нет, слишком тяжело.

Дилуну пришлось приспособливаться:

— Ладно, лежи так.

Он сам найдет способ. Е Чжэнь почувствовал, как Дилун лег рядом, его голова легла ему на шею, коснувшись зудящего места.

У Е Чжэня помутилось в голове, тело вытянулось в струну.

Зубы Дилуна вонзились ему в шею. Е Чжэнь хотел вскрикнуть от боли, но вскоре по коже разлилась приятная прохлада. Е Чжэню стало намного легче.

— Дилун.

— А?

— Мне лучше, стало легче.

Дилуну пришлось отказаться от идеи с постоянной меткой:

— Хорошо. Но это ненадолго, Ланс.

Е Чжэнь чувствовал себя так, будто пробежал несколько километров, голова тяжело упала на землю.

— Дилун.

— Да, я здесь.

— Странное чувство.

— Что именно?

— Ты кусаешь меня, а мне приятно.

— Это хорошо. Ведь я альфа.

Дилуну пришлось спрятать свое сокровище. Е Чжэнь почувствовал, как он отстранился, и обернулся:

— Больше не будешь ставить метку? Я хотел бы решить это раз и навсегда. Дилун, ты ведь поможешь мне, правда?

Дилун: «!!!»

<http://bllate.org/book/22194/2312931>